

В последующие дни игровое чутье Лин Ю совершенствовалось с каждым днем.

Не прошло и половины месяца, как в ее действиях исчезла вся новичковая неловкость.

Ее бледно-синий боевой маг в подземельях нового сервера двигался все более ловко и изящно: точный выбор позиции, стабильные связки навыков и безупречный ритм.

Ей больше не требовалось постоянное руководство Е Сю рука об руку. Во многих случаях она даже успевала следовать за его предельным темпом быстрого прохождения. Красный и синий боевые маги слаженно дополняли друг друга, зачистка карт шла чисто, стремительно и невероятно красиво.

В кабинете часто раздавался лишь легкий стук клавиатуры да мягкое свечение экрана.

Лин Ю погружалась в игровой процесс, ее взгляд был сосредоточен и спокоен, кончики пальцев двигались плавно и свободно — каждое подбрасывание небесным ударом, каждое завершение приема взмахом дракона получалось точным и потрясающим.

Е Сю сидел позади нее, по-прежнему обнимая ее со спины.

Только вот в последние дни ему стало как-то не по себе.

Сначала это было лишь смутное ощущение тяжести внизу живота — очень легкое, едва заметное. Он списывал все на усталость от долгих посиделок за игрой и терпел стиснув зубы, продолжая смотреть в экран и терпеливо помогая ей отрабатывать связки навыков.

Но со временем это чувство застоявшейся тяжести становилось все отчетливее.

Тупая, ноющая, тянущая вниз боль накатывала волнами, плотно оседая в брюшной полости. Не сказать чтобы острая, но до боли изнуряющая, волна за волной, она никак не отступала.

Кончики пальцев Е Сю слегка онемели, и он замешкался на полтакта, хотя обычно уверенно прикрывал ее руку со своей стороны.

На экране вихрем кружились красные листья, а следом следовал бледно-синий силуэт. Связку ударов, которую они должны были выполнить синхронно, он безнадежно задержал на целый такт.

Лин Ю заметила неладное первой.

Она слишком хорошо его знала.

С самого детства Е Сю всегда и при любых обстоятельствах оставался невозмутимым, спокойным и уверенным в себе.

Даже когда он только начинал осваивать Словно Слава, его скорость рук и эмоциональный настрой никогда не давали таких слабых сбоев и заминок.

Она слегка повернула голову:

— Что случилось?

Сидящий позади парень ничего не ответил, лишь тихо вздохнул, подавляя тупую боль, бушевавшую в животе, а его голос прозвучал ниже и глуше, чем обычно:

— Ничего, продолжай.

Он хотел продержаться.

Но в следующее мгновение новая, еще более тяжелая волна тянущей боли внезапно обрушилась на него, заставив поясницу напрячься, а спину покрыться испариной.

Эта боль была слишком незнакомой.

Это была не ссадина от удара, не синяк от падения, не колющая боль от порезанной кожи.

Это была тянущая, медленная и упрямая боль внизу живота, присущая исключительно женским критическим дням.

В голове Е Сю гроыхнуло, и все разрозненные воспоминания прошлого мгновенно выстроились в пугающе четкую цепочку.

Он замер на месте.

Это не от усталости.

И живот у него болит не просто так.

Это Лин Ю.

Лин Ю, которая с самого детства никогда не получала травм, никогда не жаловалась на боль и которую все вокруг считали нечувствительной к боли от рождения, — у нее начались месячные.

Сама она по-прежнему ничего не чувствовала.

Вся телесная ломота, озноб и тянущая боль не коснулись ее ни на йоту.

Все это полностью, целиком и без остатка передалось ему.

Десятки разрозненных сомнений за эти годы в этот момент рухнули в один миг, и правда предстала перед глазами во всей своей обнаженной наготе.

Когда в детстве она упала со ступенек и у нее посинело колено, у него без всякой причины два-три дня болела нога.

Когда она случайно порезала ножом кончик пальца, его палец без видимой причины кололо всю ночь.

Когда она растянула лодыжку на бегу и не почувствовала ничего, его лодыжка ныла целую неделю.

Все думали, что Лин Ю от рождения баловень судьбы, обладает уникальной природой и не ведает боли.

Даже сама Лин Ю смирилась с тем, что родилась человеком без болевой чувствительности.

И только Е Сю знал наверняка.

Если она прожила все эти годы без боли и забот, то вовсе не потому, что от природы ничего не боялась.

С того самого момента, когда во время церемонии выбора судьбы она протянула руку и выбрала его, все страдания ее плоти, боль костей и крови, все невзгоды этого мира стал принимать на себя он один.

Сердце в груди одновременно сжалось от кислоты и распухло, смешиваясь с непрекращающейся тупой болью в животе, плотно заполняя грудную клетку.

Он поморщился от боли, но не испытывал ни малейшего ропота — лишь переполнявшее его сердце невыносимое умиление.

Оказывается, все эти годы она не была бесчувственной и бесстрашной.

Просто кто-то отводил от нее всю боль, позволяя ей жить чистой жизнью без бед и несчастий.

А сидящая перед ним Лин Ю обладала предельно острой и пронизательной пронизательностью.

В тот самый момент, когда лицо Е Сю застыло, а дыхание сбилось, в ее холодных глазах внезапно мелькнула вспышка озарения и шока.

Она смотрела на управляемого ею бледно-синего боевого мага на экране, а пальцы замерли на клавиатуре, неподвижные.

Сегодня ее собственное тело ощущало странную усталость, слабость и легкий озноб.

Просто по многолетней привычке жить без болезней и боли она даже не подумала о том, что это может быть боль, списав все на накопившуюся за дни бессонниц над учебниками и играми усталость.

У нее ничего не болело.

Ни капельки.

Но стоящий за ее спиной Е Сю сегодня, когда ее управление стало безупречным, когда она больше не спотыкалась и не получала травм, и когда, казалось бы, больше не было физической боли, которую можно было перенаправить, внезапно и безо всяких причин испытывал эту странную, упорную муку.

В голове Лин Ю пронеслись все разрозненные и странные моменты за последние десять с лишним лет, мгновенно складываясь в единую картину.

В детстве она падала, и ей хоть бы хны, а Е Сю почему-то ходил сам не свой целый день.

Она разбивала лоб и не плакала, но ночью Е Сю ворочался и не мог уснуть.

С самого детства ее не брали никакие хвори, она не знала ни ран, ни боли, и только Е Сю вечно то тут, то там испытывал странную ноющую боль.

Раньше она не понимала.

В этот момент она поняла всё.

Дело было не в том, что у нее не было болевой чувствительности.

Просто ее боль никогда не оставалась в ее собственном теле.

Вся она была на Е Сю.

Воздух в комнате мгновенно замер в абсолютной тишине.

Свет от экрана то вспыхивал, то гас, отражаясь в неожиданно прояснившихся и покрасневших глазах девушки.

Она медленно повернулась и подняла взгляд на сидевшего позади парня с нахмуренными бровями и бледным лицом, сдерживающего боль.

Оказывается.

Оказывается, все те десять с лишним лет ее безмятежной и безболезненной жизни...

Это он страдал за нее целых десять лет.

В комнате стояла такая тишина, что был слышен лишь низкий гул системного блока компьютера.

Лин Ю повернулась и, запрокинув голову, посмотрела на близкого парня.

И без того бледное лицо Е Сю сейчас покрывало легкое бледное покрывало, брови были слегка сдвинуты, в обычно ленивых и мягких глазах затаилась сдержанная усталость, а губы потеряли прежний цвет.

Он инстинктивно немного согнулся, живот напрягся; несмотря на сильную боль, он по привычке пытался скрыть перед ней всю свою беспомощность.

Поймав ее прямой взгляд, Е Сю слегка кадыкнул, с трудом разгладил хмурые брови и понизил голос, пытаясь ее успокоить:

— Ппправда всё хорошо, живот чуть-чуть болит, перетерплю и пройдет.

В тот момент, когда слова сорвались с губ, в носу у Лин Ю резко защемило.

Чуть-чуть болит.

Он всегда был таким.

С самого детства, какие бы удары, колющие боли или долгую, изнуряющую тупую ломоту он ни принимал за нее, он неизменно отделялся легким всё в порядке.

Раньше она верила этому больше десяти лет.

Верила, что от рождения не чувствует боли, верила в свою особую конституцию, верила, что в ее мире нет никаких невзгод.

Но оказалось, что все ее благополучие отнюдь не было подарком судьбы.

С того самого года на церемонии выбора судьбы, когда она без колебаний ухватила его за палец, судьба связала их невидимыми нитями.

Вся ее чувствительность к боли перешла к нему.

Острая боль от порезов, тянущая ломота от синяков, тупая боль от растяжения сухожилий и даже сегодняшняя, длящаяся уже несколько дней холодная, тянущая боль внизу живота юной девушки —

Она не почувствовала ни малейшей доли этого, все до конца принял на себя он один.

Десять лет.

Целых десять лет.

Лин Ю, всегда холодная на эмоции, не знавшая ни боли, ни горя, с крайне редкими колебаниями духа, в этот момент окончательно рухнула внутри.

Теплые слезы хлынули без предупреждения, заполнив ясные глаза и бесшумно скатываясь по холодным, белым щекам.

Она за всю жизнь не извела боли, но в этот момент отчетливо поняла, что такое сердечная боль.

Это ощущение было таким, будто ее сердце кто-то мягко сжал рукой: кислое, садвящее, одновременно нежное и болезненное, в сотни раз более мучительное, чем любые телесные страдания в этом мире.

В тот самый момент, когда Е Сю увидел ее слезы, он полностью растерялся.

Тянущая боль в животе продолжала накатывать волнами, но он совершенно забыл о собственном дискомфорте. Инстинктивно подавшись вперед, он поднял руку, чтобы вытереть ее слезы, а его голос сбился с привычного ритма:

— Не плачь, Сяо Ю, у меня правда всё хорошо, не больно...

— Врёшь.

Лин Ю мягко прервала его, ее голос был тихим, с едва заметной хрипотцей от только что пролитых слез, и таким мягким, что от него щемило в сердце.

Она подняла изящные, слегка похолодевшие пальцы и, не колеблясь, мягко опустила их на его напряженный живот.

В тот момент, когда прохладные кончики ее пальцев коснулись его кожи, Е Сю слегка вздрогнул.

Движения девушки были легкими и мягкими, полными осторожности, неуклюжими, но до предела нежными.

Она легонько водила ладонью по кругу, медленно массируя ноющее место, двигаясь с такой легкостью, словно боялась, что чуть более сильное нажатие причинит ему еще большую боль.

— Тебе больно.

Лин Ю подняла на него глаза, в которых еще не высохли слезы, ясные и полные решимости, и каждое слово звучало отчетливо:

— Раньше, когда я падала — болело у тебя.

— Когда я резалась — болело у тебя.

— Когда я травмировалась — болело у тебя.

— А теперь у меня недомогание, и снова болит у тебя.

Раньше она не понимала своей особенности, не понимала, почему во всем мире только она не знала, что такое боль.

Теперь все загадки были раскрыты.

У нее не было отсутствия болевой чувствительности.

Вся ее боль росла в теле Е Сю.

Е Сю смотрел на ее покрасневшие уголки глаз, на то, как она нежно массирует ему живот, и его сердце одновременно кисло и сладко сжималось, а непрекращающаяся боль внизу живота

словно сглаживалась от этой крошечной толики нежности.

Он долго молчал, но в конце концов тихо вздохнул, оставляя попытки лгать.

— Мм.

Он тихо откликнулся, признаваясь честно.

— Всегда болело у меня.

С трех лет, с той самой церемонии выбора судьбы, с того мгновения, как она безошибочно схватила его и выбрала своим, он взял на себя всю боль этого мира за нее.

Сначала, в раннем детстве, он был наивен и просто недоумевал от беспричинных частых болей;

Позже он постепенно разобрался в закономерностях и осознал всю правду.

Он никому ничего не сказал, даже Е Цю.

Он лишь молча приучился защищать ее, не отходя ни на шаг и пресекая любую возможность для нее получить травму.

Чем меньше боли достанется ей, тем меньше греха понесет он.

Это было его самое упрямое и самое сокровенное эгоистичное желание с самого детства.

Пальцы Лин Ю продолжали легко массировать его живот, прохладная ладонь касалась его теплой кожи, а движения были столь же нежными, сколь и благоговейными.

Слезы все еще катились беззвучно, но это была уже не грусть, а самая настоящая, запоздавшая сердечная боль.

— Неудивительно... — тихо пробормотала она, наконец связывая воедино все прежние сомнения.

Неудивительно, что как бы она ни падала с самого детства, она ничего не чувствовала, и все вокруг восхищались ее врожденной бесстрашностью и невосприимчивостью к боли.

Неудивительно, что вечно беспечный и ленивый Е Сю проявлял к ней столь чрезмерную тревогу и опеку, запрещая ей падать, ударяться или приближаться к малейшей опасности.

Неудивительно, что близнецы росли с одинаковой внешностью, в один год, но Е Цю всегда оставался нормальным и беззаботным, тогда как Е Сю часто беспричинно хворал и страдал от тайной боли.

Оказывается, дело было не в том, что он странный.

Это он прожил за нее целых десять с лишним лет человеческих страданий.

— Обидно?

Лин Ю подняла на него глаза, и те сияли влажным блеском.

Е Сю опустил взгляд на нее, склонившись так, что оказался надежно заключен в ее объятиях, и глядя на следы слез на ее белых щеках, почувствовал, как сердце растаяло донельзя.

Он покачал головой, и его голос звучал неправдоподобно мягко:

— Ни капли не обидно.

Он защищал ее взросление, принимал на себя ее боль, видел, как она проживает каждый год в безопасности и безмятежности — он всегда делал это по доброй воле.

— Лишь бы ты была в порядке, не получала травм и не страдала, тогда и обиды нет.

За окном мягко рассыпалось солнечное свет, падая на их переплетенные руки и на стоящих плечом к плечу красного и синего боевых магов на экране.

Раньше Лин Ю шагнула в его мир Славы потому, что ей не нравилось, когда его взгляд переставал принадлежать ей одной.

Теперь же она поняла.

Вся ее безболезненная жизнь была лишь плодом его усилий.

Долгое время спустя Лин Ю тихо прильнула к нему, прислонившись лбом к его плечу, и произнесла легко, но с твердой решимостью:

— Теперь я буду защищать тебя.

Ты страдал за меня больше десяти лет.

Всю оставшуюся жизнь я буду рядом с тобой, и больше никому не позволю терпеть все эти невзгоды даром.

<http://bllate.org/book/22386/2348740>